

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 156–159. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 156–159. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(73)''19''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-156-159>

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В НОВЕЛЛЕ КЕЙТ ШОПЕН «ELIZABETH STOCK'S ONE STORY»

Шмелева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Иваново Россия, tanyale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3269>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проявления гендерных стереотипов в новелле американской писательницы XIX века Кейт Шопен «Единственный рассказ Элизабет Сток». Анализируются положения феминистской критики, направленные на выявление особенностей проявления феминности в тексте. В статье приводятся характерные особенности, маркирующие «женское письмо», среди которых помимо специфического женского опыта и гендерной идентичности выделяются своеобразный двухголосый дискурс (основа которого через французских постструктуралистов уходит истоками к идеям М.М. Бахтина о «чужом» слове) и экстатическая коммуникация с миром. Данная новелла является единственным примером обращения Шопен к проблеме женского творчества. В ироничном изложении героиней своего литературного опыта прослеживается оценочный «голос» общества, активизирующий ролевые клише традиционного предназначения женщины. Литература же интересует героиню не только как искусство, но и как способ самовыражения и обретения самоидентичности. При всей нарочитой камерности истории героини ее рассказ наполнен описанием нравов и деталей, включающих ее в канву общественной жизни всей страны. В новелле Шопен важную роль играет утверждение собственного «я» героиней, которая вопреки общественным стереотипам претендует на традиционно мужские формы поиска самовыражения.

Ключевые слова: американская литература, Кейт Шопен, женская проза, гендер, гендерные стереотипы, образ «новой женщины», феминизм

Для цитирования: Шмелева Т.Н. Гендерные стереотипы и их проявление в новелле Кейт Шопен «Elizabeth Stock's One Story» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 156–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-156-159>

Research Article

GENDER STEREOTYPES AND THEIR MANIFESTATIONS IN KATE CHOPIN'S «ELIZABETH STOCK'S ONE STORY»

Tatyana N. Shmeleva, Candidate of Philological Sciences, Lenin Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russia, tanyale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3269>

Abstract. The article deals with the peculiarities of gender stereotypes in Kate Chopin's work «Elizabeth Stock's One Story». The Feminist criticism statements aiming at the revealing of femininity manifestation in a text are analysed. Characteristic features marking «female writing» are given, among them besides specific woman's life experience, gender identity and ecstatic communication with the world, peculiar «two voice» discourse is also distinguished (it traces its roots back to the Mikhail Bakhtin's ideas about «someone else's» word through the French poststructuralists). «Elizabeth Stock's One Story» is the only example of Chopin's reference to the problem of women's creativity. The assessing voice of the society intensifying clichés of the woman's «natural role» can be detected in heroine's ironical presentation of her own literary experience. The heroine is interested in literature and it's not only an art for her but also a means of self-expression and a way to self-identity. Despite of the intimacy of Elizabeth's story her narration is filled with the description of public morality and details which join it into the social life of the whole country. In Chopin's short story the heroine's claim of identity being through traditionally men's forms of self-identification is truly significant.

Key words: American literature, Kate Chopin, women's prose, gender, gender stereotypes, image of «new woman», feminism

For citation: Shmeleva T.N. Gender Stereotypes and their manifestations in Kate Chopin's «Elizabeth Stock's One Story». Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 156–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-156-159>

Феминистская литературная критика сочетает в себе множество разнообразных и порой противоречащих друг другу подходов, поэтому постараемся выделить те моменты, которые наиболее значимы при анализе текста, и обозначить характерные черты, маркирующие, по мнению литературоведов, «женское письмо».

Симона де Бовуар одной из первых попыталась найти философское объяснение существующему феномену женского в культуре. Она была убеждена в том, что трагедия женщины заключается в конфликте между естественной потребностью личности утвердить ценность собственного «я» и местом женщины в общественной иерархии, основанном на представлении о ее несамостоятельности. Согласно Симоне де Бовуар, традиционная культура, приписывая женщине некую несостоятельность, тем самым ставит ее в положение «второго пола», умаляя значимость всех областей женской деятельности соответственно [Бовуар: 32].

Вопрос существования определенных, формальных признаков отличия текста автора-женщины от текста автора-мужчины вызывает особый интерес. Ключевыми трудами по проблематике «женского письма» являются работы Э. Сиксу «Смех медузы» (1975) и Л. Иригарэй «Зеркало другой женщины» (1974), «Этот пол, который не один» (1977). Пытаясь найти отличия феминного и маскулинного самовыражения в тексте, Э. Сиксу берет за основу теорию Жана Жака Руссо о существовании двух типов языка: рационального и выразительного. По мнению Э. Сиксу, в женском мировосприятии первостепенной является экстатическая, телесная связь с миром, состоящая из чувств и ощущений, что в свою очередь находит отражение и в языке [Сиксу 880–891].

Л. Иригарэ убеждена, что у женщины нет своего языка в патриархальной культуре, она может лишь подражать маскулинному дискурсу. Проявление собственно женского самосознания она видит в особом игровом повторении, определяя его как «феминные действия с текстом». С точки зрения Люси Иригаре, игровой мимесис является ключевой особенностью женского текста. Она полагает, что имитируя маскулинный дискурс, преувеличивая его логичность, возможно наиболее четко показать истинное положение женщины [Современная литературная теория: 333]. Эти мысли о двухголосном дискурсе женского текста и его игровой природе, по мнению отечественного литературоведа отечественного О.Ю. Анцыферовой, созвучны идеям М.М. Бахтина о «чужом слове» и романной полифонии и, вероятно, происходят от них, будучи восприняты от французских постструктуралистов [Анцыферова: 82].

Таким образом, феминистская критика, рассматривая творчество женщин как отражение специфи-

ческого женского опыта и гендерной идентичности, выделяет в качестве основных признаков женского письма разрывность повествования, своеобразное двухголосие и особое чувственное восприятие мира.

Новелла Кейт Шопен (1850–1904) «Единственный рассказ Элизабет Сток» (Elizabeth Stock's One Story, 1898) является только одним произведением в литературном наследии американской писательницы, которое посвящено проблеме женского литературного творчества. Рассказ Элизабет предваряет предисловие. Повествователь волей случая попадает в местечко Стоунлифт, где от местных жителей узнает о некоей Элизабет Сток, которая мечтала стать писательницей («was much given over to scribbling»¹ [Chopin: 37]). Знакомясь с архивом Элизабет, рассказчик находит среди бумаг «страницы, которые имели какое-то подобие связного и логичного повествования» [Chopin: 37]. Затем следует сам рассказ героини. Подобную композицию встречаем в романе Готорна «Алая буква» (The Scarlet Letter, 1850). Фактически предисловие в новелле служит той же цели, что очерк «Таможня» у Готорна – читателю сообщают, что автор публикует рукопись другого человека, случайно оказавшуюся у него. Тем не менее существуют и значительные различия. Для Готорна рукопись явилась своеобразной заготовкой повести, где повествователь, не ограничивая себя содержанием первоисточника, по его собственным словам, «дал себе полную свободу, словно все это – плод моей собственной фантазии. Я настаиваю лишь на одном – достоверности общих контуров» [Готорн: 64]. В новелле Шопен рассказчик в двух вступительных абзацах примеряет на себя роль литературного критика, чьи оценочные суждения «scribbling», «bad prose», «impossible verse» «сигналят» о его скептическом отношении к творческим попыткам главной героини. Тем не менее сам рассказ Элизабет приводится без комментариев и изменений.

Единственное произведение Элизабет Сток представляет собой автобиографию. Читатель узнает внешнюю канву событий, а также получает возможность судить о внутреннем мире героини, ее желаниях, мотивах поступков. Своеобразие субъективного видения углубляется тем, что героиня излагает события прошлого, являясь уже зрелым человеком. Конструирование прошлого становится для героини попыткой понять себя, проанализировать и осознать причины собственной жизненной драмы. Ее единственный рассказ становится для Элизабет Сток не только попыткой создать литературное произведение, но и способом самовыражения, где ее ощущения, страхи и желания оказались выдвинуты на первый план. Элизабет не похожа на традиционную героиню, она без стеснения говорит («not afraid or ashamed to say it» [Chopin: 38]), что не замужем («unmarried»), хотя ей 38 лет. Примечательно, что Элизабет выби-

рает именно слово «unmarried», а не «single», тем самым в исповедь главной героини подспудно вторгается «голос» общественного мнения, который определяет, какое должно быть самоощущение у женщины в ее положении. Элизабет могла бы это изменить, выйдя замуж за своего давнего поклонника. Но союз без уважения и любви для героини неприемлем. Свое решение Элизабет объясняет так: «Проблема с Вансом в том, что ему не хватает ума. В глубине души я уверена, что дядя Уильям и тот умнее» [Chopin: 44].

О своем возникшем еще в детстве желании писать рассказы Элизабет говорит извиняющимся тоном: «I always felt as if I would like to write stories» (выделено мной. – Т. III.). Затем прямо и безыскусно объясняет, в чем она видит причину неудач своих творческих попыток: «Когда бы я ни захотела написать рассказ, я не могла придумать сюжет. Однажды я написала о том, как старый Си'Шепард потерялся в лесу и не вернулся, но когда я показала это дяде Уильяму, он сказал: “Знаешь, Элизабет, думаю тебе лучше заняться шитьем, это не рассказ, все знают про старого Си'Шепарда”» [Chopin: 38]). В этом фрагменте затрагивается комплекс принципиальных для женского творчества вопросов и артикулируются ролевые клише, ограничивающие естественное предназначение женщины сферой ее домашнего хозяйства. По сути, жизненный опыт женщин XIX века, ограниченный домом, действительно был скудным по сравнению с мужским. В связи с этим вспоминаются слова известной английской писательницы Джейн Остен (1775–1817). Тематическую узость своих произведений она обосновывала следующим образом: «Уверена, что исторический роман более способствовал бы моему прославлению, чем картины семейной жизни в деревне. Но я не способна написать ни исторический роман, ни эпическую поэму. Так не лучше ли мне следовать избранному пути и придерживаться своего стиля, может быть, меня и ждут неудачи, но я убеждена, что они будут еще большими, если я изменю себе» [Гениева: 87]. Спустя век Вирджиния Вулф в эссе «Своя комната» обращается к этой же проблеме, иронично замечая: «Футбол и спорт – “важно”, покупка одежды – “пустое”. Неизбежно этот ценник из жизни переносится в литературу. “Значительная книга, – серьезно рассуждает критик, – она посвящена войне”. “А эта – ничтожная, про женские чувства в гостиной”» [Вулф: 127].

В своем коротком рассказе Элизабет является одновременно и субъектом, и объектом повествования. Героиня рассказывает о себе и как бы обращается к невидимому собеседнику, которому она пытается пояснить, почему в тот или иной момент она так поступала или думала. Таким образом, в монологе героини можно выделить два уровня: описание своих поступков и переживаний – в первом; во втором ее

же собственные пояснения к рассказу, своего рода автокомментарии. Свое решение оставить попытки заняться литературным творчеством Элизабет комментирует следующим образом. По ее мнению, приобретение собственного литературного слога требует много времени и труда, что она не могла себе позволить в силу материальных причин. Еще одной существенной проблемой был поиск сюжета («I never could think of a plot»). Удивительно, но известная американская писательница XIX века Сара Орн Джуитт (1849–1909), делая свои первые шаги на литературном поприще, в письме от 1873 года сетует своему наставнику Уильяму Дину Хоуэллсу на ту же проблему, что мучила и Элизабет Сток, практически повторяя ее слова «I don't believe I could write a long story... The story would have no plot» [Cary: 43].

Элизабет не в силах сочинить вымышленную историю о событиях, далеких от сферы ее личного опыта. Так, у нее ничего не выходит из детективного рассказа про убийство и кражу, не получается справиться с сюжетом про железнодорожную катастрофу, не удается завершить забавную историю, главной интригой которой становится то, как одного героя по ошибке принимают за другого. Она печально резюмирует: «Все было напрасно. Я это бросила» [Chopin: 38]. Только оказавшись в больнице после потери работы, Элизабет получает возможность писать. Теперь у нее есть и время, и сюжет. Главная тема, как ее определяет сама Элизабет, это потеря работы («how I lost my position»). Примечательно, что героиня использует слово «position», тем самым подчеркивая, что работа воспринимается ею гораздо шире, чем просто должность.

Несмотря на всю свою камерность, рассказ героини о том, как ее отстранили от заведования почтой в захолустном Стоунлифте, наполнен социальной проблематикой. Ключевую роль в случившемся играют кумовство и нечистоплотность власть предержащих. Так, Э. Тот во вступительной статье к сборнику Шопен характеризует данную новеллу как «изобличающую плутократов» («unmask the plutocrats») [Toth: XXIV]. Главной достопримечательностью Стоунлифта является роскошный особняк Натана Брайтмена, без которого «Стоунлифт ничего бы из себя не представлял» [Chopin: 39]. Именно мистер Брайтмен, который по иронично звучащей характеристике Элизабет «по большей части отсутствовал, но сделал так много для жителей Стоунлифта», сыграет фатальную роль в судьбе самой героини. В конце рабочего дня Элизабет попадает в руки открытка, адресованная мистеру Брайтмену. Утром следующего дня его ждут на важном совещании в Сент-Луисе. Несмотря на ненастную мартовскую погоду, Элизабет спешит к Брайтменам. Короткое описание пути героини плотно насыщено мрачными эпитетами, создавая атмосферу предчувствия неотвратимой беды:

«raw and chill», «black and penetrating», «freezing», «drizzling», «doleful organ tones», «sweeping down», «signing deep and soft like dying souls in pain». Мистер Брайтмен вежливо благодарит Элизабет. Услышав гудок ночного экспресса по дороге домой, Элизабет с гордостью и удовлетворением думает, что мистер Брайтмен наверняка едет там, и тут же иронизирует над собой: «Ну мы все в той или иной мере эгоисты в этом мире!». По иронии судьбы этот поступок, вызвавший у героини прилив гордости и чувство значимости своей работы, становится причиной ее жизненной драмы. Прогулка под дождем в ненастную погоду не проходит бесследно, Элизабет заболевает, а вскоре приходит письмо из Вашингтона, извещающее о том, что она уволена за «некомпетентность и пренебрежение служебными обязанностями, а также из-за жалобы на чтение чужой почты» [Chopin: 43]. Эта депеша из Вашингтона смещает фокус с удаленного местечка Стоунлифт, придавая ему обобщающее звучание. Вскоре выясняется, что на должность Элизабет назначают сына приятеля мистера Брайтмена по фамилии Коллинз, того самого, кто прислал мистеру Брайтмену ту злополучную открытку. Становится очевидно, что героиня – жертва циничной махинации. Перед читателем уже не только история Элизабет Сток, а сложная судьба маленького человека, страдающего от социальной несправедливости. Тем не менее, написав свой рассказ, излив свои переживания, огорчения, мечты и стремления, Элизабет внутренне раскрепощается и обретает душевное спокойствие: «В конце концов, мне остается только довериться воле providения и верить в удачу» («After all, what I got to do is leave everything in the hands of Providence and trust to luck») [Chopin: 44]. Здесь неизменная тяга героини к литературному творчеству приобретает символическое звучание. Литература, творчество предстают как высшая форма существования, дающая возможность восстановить целостность своего бытия.

Элизабет являет собой особый образ «новой женщины». Героиня Шопен не пытается отрицать общественные установки и противостоять им, ее эмансипированность проистекает из естественного стремления быть верной себе и честной с самой собой. В автобиографии Элизабет Сток сложился образ, доминантой которого становится внутреннее противостояние «голосу» общественного мнения и ощущение своей инаковости. В исповеди героини, где тесно переплетены мечты и факт, лирическое чувство и попытка анализа, актуализируются основные проблемы, связанные с женской литературой и ее общественным восприятием.

Примечания

¹ Любопытно, что весьма нелестное замечание Готорна о женщинах-писательницах, его современницах, «a damned mob of scribbling women» [Wallance:

204] («to scribble» мараить бумагу, пописывать) лексически совпадает с пренебрежительным высказыванием окружающих об увлечении героини.

Список литературы

Анцыферова О.Ю. Извивы феминистского литературоведения // Женщина в российском обществе. 2005. № 3–4. С. 73–86.

Бовуар С. де Второй пол. СПб.: Алетея, 1997. 831 с.

Вулф В. Своя комната // Эти загадочные англичанки. М.: Прогресс, 1992. С. 79–154.

Гениева Е. Чудо Джейн Остен // Остен Дж. Леди Сьюзен. Уотсоны. Сэндитон: романы. М.: Текст, 2002. С. 7–18.

Готорн Н. Алая буква // Избранные произведения: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 40–232.

Современная литературная теория: антология / сост., перевод, примеч. И.В. Кабановой. М.: Флинта, 2004. 342 с.

Cary R. Sarah Orne Jewett Letters. By Sarah Orne Jewett. Waterville, M.E., Colby College Press, 1967, 186 p.

Chopin K. Elizabeth Stock's One Story. Chopin K. A Vocation and a Voice. N. Y., Penguin Books, 1991, pp. 37–44.

Cixous H. The Laugh of the Medusa. Signs, 1976, vol. 1, № 4, pp. 875–893.

Toth E. Introduction. Chopin K. A Vocation and a Voice. N. Y., Penguin Books, 1991, pp. VII–XXVI.

Wallance J.D. Hawthorne and the Scribbling Women Reconsidered. American Literature, 1990, vol. 62, № 2, pp. 201–222.

References

Antsyferova O.Iu. *Izvivy feministikogo literaturovedeniia* [The Curves of Feminist Literary Criticism]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2005, № 3–4, pp. 73–86. (In Russ.)

Bovuar S. de *Vtoroi pol* [the Second Sex]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 1997, 831 p. (In Russ.)

Vulf V. *Svoia komnata* [The room of Her Own]. *Eti zagadochnnye anglichanki* [Those Enigmatical English Women]. Moscow, Progress Publ., 1992, pp. 79–154. (In Russ.)

Genieva E. *Chudo Dzhein Osten* [The Wonder of Jane Austen]. *Osten Dzh. Ledi S'iuzen. Uotsony. Senditon: romany* [Jane Austen. Lady Susan. The Watsons. Sanditon: novels]. Moscow, Tekst Publ., 2002, pp. 7–18. (In Russ.)

Gotorn N. *Alaia bukva* [The Scarlet Letter]. *Izbr. proizv.: v 2 t.* [Selected Works in 2 vols]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1982, vol. 1, pp. 40–232. (In Russ.)

Sovremennaia literaturnaia teoriia: antologiia [Modern Literary Theory: Anthology], comp., transl., notes by I.V. Kabanova. Moscow, Flinta Publ., 2004, 342 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2021; одобрена после рецензирования: 27.04.2021; принята к публикации: 10.05.2021

The article was submitted 26.02.2021; approved after reviewing: 27.04.2021; accepted for publication 10.05.2021